

ВЕДЬМА

ГЛАВА I

Не в привычках Нормана Сейлора было заглядывать в комнату жены в ее отсутствие. Быть может, отчасти именно потому он и поступил так. Он был уверен, что подобный пустяк никак не влияет на их с Тэнси отношения.

Разумеется, он помнил, что случилось с чересчур любопытной женой Синей Бороды. Как-то он даже попробовал подойти к этой странной сказке о повешенных женщинах с психоаналитической меркой. Впрочем, Синяя Борода жил в далеком прошлом, и с тех пор много воды утекло. Неужели за дверью комнаты Тэнси его ожидает с полдюжины висящих на крючьях красоток? Норман насмешливо фыркнул. Однако женщины есть женщины, и разве не доказательство тому его собственные исследования по женской психологии и параллелизму первобытного суеверия и современного невроза, которые принесли ему известность в профессиональных кругах?

Внешне Норман Сейлор ничуть не походил на знаменитого этнолога — он прежде всего был слишком молод и выглядел во все не так, как подобает профессору социологии колледжа Хемпнелл. У него начисто отсутствовали поджатые губы, испуганный взгляд и квадратная челюсть типичного преподавателя этого маленьского, но гордящегося собой и своими традициями учебного заведения.

По правде сказать, в Нормане не было того духа, какой присущ истинному хемпнеллианцу, — за что сегодня он был благодарен судьбе.

День выдался погожим и теплым; солнечные лучи, проникавшие в кабинет сквозь оконное стекло, падали на локоть Нормана. Допечатав заключительную фразу своей статьи «Социальные основы современного ведьмовства», наконец-то законченной, он откинулся в кресле и облегченно вздохнул. Он осознал вдруг, что наступило одно из тех мгновений в непрерывном чередовании

успехов и неудач, когда совесть засыпает и все видится в розовом свете. Для невротика или подростка такое состояние означало бы, что приближается неминуемое падение в пучину отчаяния, однако Норман давно уже научился сохранять равновесие: он принимался за новое дело в тот самый миг, когда перед ним возникал край обрыва.

Поэтому он беззаботно наслаждался минутной передышкой, старался испить ее очарование до дна. Он вышел из кабинета, взял было книжку с яркой обложкой, но тут же отложил ее, взглянул на две маски китайских бесов на стене и, минуя дверь спальни, перевел взгляд на бар, где, по образному хемпнелловскому выражению, «на задворках» стояла бутылка ликера, улыбнулся и направился в спальню.

В доме было очень тихо. В этот весенний полдень было что-то успокаивающее в скромных размерах, неброской, но удобной обстановке и даже в почтенном возрасте жилища Сейлоров. Оно как будто примирилось со своей участью — быть прибежищем обычной профессорской семьи с ее книгами, гравюрами и пластинками, с тем, что лепные украшения прошлого века покрыты слоем свежей краски. Признаки интеллектуальной свободы и любви к живому соседствовали и уживались с приметами тяжеловесного преподавательского достоинства.

Норман взглянул в окно спальни. Знакомый мальчишка катил по улице тележку, доверху заполненную газетами. На противоположной стороне мостовой какой-то старик подстригал кусты, осторожно ступая по молодой траве. С громыханием промчался грузовик. Норман нахмурился, но тут показалась парочка студенток в брюках и рубашках навыпуск.

Являться в подобных нарядах на занятия строго запрещалось, тем не менее девушки, судя по всему, шли из колледжа. Норман улыбнулся. Он был в том настроении, когда человек радуется всякой мелочи и готов приветствовать даже субкультуру улицы, так непохожую на порядки колледжа, где табу — откровенность и секс, где наивысшими из талантов считаются способность выносить унылое однообразие работы и умение следовать пыльным ритуалам, поддерживающим видимость жизни в мертвых идеях. В этом последнем современные колдуны, что скрывались за каменными стенами Хемпнелла, едва ли знали себе равных.

Странно, подумалось ему, и как только им с Тэнси удалось не поддаться губительному воздействию атмосферы маленького

колледжа? Ведь поначалу Тэнси приводило в исступление буквально все: соперничество между профессорами, сплетни и пересуды, требование, которое заставило бы взбелениться любого, — чтобы жены преподавателей трудились на благо колледжа, не получая за свой труд ни гроша, утонченный этикет и надоедливое внимание студентов. Хемпнелл был одним из тех колледжей, которые предлагали обеспокоенным родителям альтернативу буйной вольнице крупных университетов, — местный политик, вспомнил Норман, назвал их «рассадниками коммунизма и свободной любви».

Если судить по первым дням их пребывания в Хемпнелле, то они с Тэнси должны были скоро сбежать в один из «рассадников» или бунтовать исподтишка, поднимая вопрос то об академической свободе, то об изменении жалованья, или уйти в себя и сделаться писателями. Но, словно питаемая силой из неведомого источника, Тэнси сумела выстоять, не поступившись своими убеждениями. Она сражалась с Хемпнеллом на его поле, она взваливала на себя гораздо больше обязанностей, чем полагалось, и тем самым как будто очертила вокруг Нормана магический круг, в пределах которого он мог заниматься своими исследованиями, которые когда-нибудь позволят им вырваться из зависимости от Хемпнелла и от того, что Хемпнелл думает и говорит. И час этот близится! Отставка Реддинга означает, что главой факультета социологии будет не кто иной, как Норман Сейлор, а через несколько месяцев наверняка поступит приглашение от какого-нибудь университета.

Нет, Тэнси нельзя не восхищаться. Черт побери, она столько сделала для него и так ненавязчиво! Она была его неизменным секретарем, и он никогда не слышал от нее ни единой жалобы, хотя в молодые годы был отнюдь не ангелом: ленивый, временами остроумный преподаватель, презирающий размеренность существования, находящий, как студент-первокурсник, удовольствие в том, чтобы шокировать степенных коллег, с самоубийственной склонностью скандалить по пустякам с деканами и президентами. Не раз и не два он балансировал на грани увольнения после очередной размолвки с властями предержащими, но всегда каким-то образом выкручивался, и, как он теперь понимал, не без помощи Тэнси. С тех самых пор, как они поженились, он не ведал поражений и неудач.

И как только у нее это получалось — у нее, мечтательной и безответственной девицы, дочери незадачливого сельского священника, избалованной, непокорной, обладавшей дерзким воображением, наличие которого в запоренном, обывательском Хемпнелле считалось чуть ли не смертным грехом?

Так или иначе, у нее получилось, а потому — вот парадокс! — к нему относились как к «истому хемпнеллианцу», «украшению колледжа», «творцу великих свершений», «другу декана Ганинсона» — надо признать, при близком знакомстве тот оказался неплохим парнем, — о Нормане заговорили как о человеке, от которого «зависит» бесцветный президент Поллард, гиганте мысли в сравнении со вторым профессором социологии, издерганным и скудоумным Харви Соутеллом. Будучи по натуре иконоборцем, Норман постепенно превратился в икону, не пожертвовав при этом, как ни удивительно, своими воззрениями, и одновременно приобрел авторитет среди реакционеров, не став одним из них.

Он по-прежнему пребывал в благодушном, подогретом весенним солнцем настроении. Неожиданно у него мелькнула мысль, что в его успехе есть что-то необычное и пугающее. Он вдруг вообразил себя молодым индейским воином, который вместе со своей скво добрался до краев, где обитают духи предков, и убедил суровых прародителей, что погребен по обычаям достоин разделить бремя сверхъестественной власти; он счастливо избежнул многочисленных ловушек благодаря тому, что Тэнси знала нужные защитные заклинания. Разумеется, оба они люди взрослые, умеющие обуздывать фантазию. Всякий, кто не хочет потерпеть в жизни крах из-за причуд детского эго, должен уметь справляться с ним. Однако...

Солнечный свет стал чуточку ярче и золотистее, словно некий космический электрик перебросил рубильник еще на одно деление. В тот же миг девушки в рубашках навыпуск, исчезая за углом соседнего дома, звонко рассмеялись. Норман отвернулся от окна. Кот по кличке Тотем поднялся с належенного места на коврике и сладко потянулся, так что захрустели все косточки его гибкого тела. Норман не удержался и последовал примеру животного, решив, правда, не проверять свой костяк на прочность. Да, сегодня чудесный денек, из разряда тех, когда действительность обращается чередой таких светлых и отчетливых образов, что неволе начинаешь опасаться, что вот-вот проткнешь сверкающую завесу и увидишь безграничный и непроглядный мрак, который

она скрывает; когда все представляется верным и исполненным дружелюбия и боишься, что внезапное прозрение откроет тебе ужас, ненависть, жестокость и невежество, на которых покоится жизнь.

Потянувшись и сладко зевнув, Норман понял, что радость жизни пока не покинула его.

И тут его взгляд остановился на двери в комнату Тэнси.

Он сообразил, что ему хочется, прежде чем вернуться к работе, сделать кое-что еще, просто так, из развлечения и праздного любопытства, для того, быть может, чтобы потом чувствовать себя слегка виноватым.

Конечно, если бы Тэнси была дома... Но раз ее нет, почему бы не заглянуть в комнату, которая может так много рассказать о ней?

Приоткрытая дверь словно манила переступить порог. Из-за нее виднелся тонконогий стул, со спинки которого сползала на пол комбинация, почти полностью скрывая меховые домашние туфли. За столом проступал из полумрака край столешницы из слоновой кости, на которой поблескивал какой-то флакон. Комната Тэнси была совсем крохотной, немногим больше чулана, и дневной свет в нее не проникал, поскольку проникать было неоткуда.

Норман никогда не следил за Тэнси, ему даже в голову такое не приходило, и Тэнси относилась к этому как к чему-то само собой разумеющемуся.

Но соблазн, который потихоньку одолевал его, никак не мог называться слежкой или подсматриванием. Скорее, то было проявлением любви, желанием ощутить себя хотя бы на миг партнером по браку.

Кроме того, ни один человек не может считать себя совершенством и даже по-настоящему взрослым и всерьез уверять, будто совладал со всеми дурными побуждениями.

И потом, Тэнси задала ему загадку. Откуда взялись в ней та сила и уверенность, с какими она отражает нападки вечно недовольного Хемпнелла? Конечно, едва ли ответ найдется именно здесь, но все же, все же...

Он заколебался.

Тотем, черный от головы до хвоста, за исключением белых «чулочек» на лапах, пристально глядел на него.

Он вошел в комнату Тэнси.

Тотем устремился следом.

Норман включил лампу под розовым абажуром и уставился на шкаф с платьями и подставку для обуви. В комнате царил легкий беспорядок, такой милый и знакомый. Слабый аромат духов наевал приятные воспоминания.

Он бросил взгляд на фотографии вокруг настенного зеркала. Одна изображала их с Тэнси в индейских костюмах. Это было три года назад, когда он изучал племенные обряды и обычаи юма. Вид у них несколько напыщенный, словно они изо всех сил старались выглядеть настоящими индейцами. На другом, уже поблекшем снимке они, облаченные в купальные костюмы 1928 года, стояли на старом причале, щурясь от яркого солнца. Норман припомнил Бейпорт и лето перед свадьбой. На третьем фото запечатлено было крещение негров в реке. Да, в ту пору он был членом совета колледжа Хейзелтон и собирая материалы для своих работ «Социальные структуры афроамериканцев в южных штатах» и «Женский элемент в суевериях». Помощь Тэнси в те полгода, когда он завоевывал себе репутацию, была просто неоценимой. Она сопровождала его в полевых экспедициях, записывала изобиловавшие преувеличениями рассказы стариков и старух, что помнили еще времена рабства, ибо сами были рабами. Тем летом они оставили колледж Горэма, решив перебраться в Хемпнелл, и Тэнси была тогда по-мальчишески любознательной, иногда даже чрезмерно. Впрочем, с годами она научилась сдерживать себя.

С четвертой фотографии смотрел древний чернокожий колдун с морщинистым лицом и высоким лбом, которого не могла скрыть фетровая шляпа с широкими полями. Плечи его были расправлены, глаза горели странным огнем, всем своим видом он будто отвергал культуру белых, ибо обладал иными, куда более серьезными познаниями. Плюмаж из страусовых перьев и многочисленные шрамы на щеках, однако, не придавали ему внушительности. Норман хорошо помнил его: колдун упорно отмалчивался и разговорился лишь перед самым концом экспедиции.

Норман поглядел на туалетный столик, заставленный разнообразной косметикой. Тэнси первая из профессорских жен в Хемпнелле начала красить губы и ногти. Пошли были разговоры о «примере, который мы подаем студентам», однако она не обращала на них внимания, а потом на одной из вечеринок придирчивые наблюдатели заметили на губах Хульды Ганнисон бледный красноватый след. Большего для победы не требовалось.

Перед окруженней флаконами с кремом его собственной фотографией лежала кучка мелочи: медяков и серебра — десятицентовиков и четвертаков.

Норман мысленно обозвал себя олухом. Зачем он сюда пришел, любоваться на снимки? Он выдвинул наугад ящик, торопливо покопался в заполнявших его чулках, задвинул и взялся за ручку другого.

И замер.

«Какие же глупости я творю», — подумалось вдруг ему. Одновременно он осознал, что радостное возбуждение улетучилось. Как и в тот миг, когда он отвернулся от окна, мир словно застыл в неподвижности, будто выхваченный из чернильного мрака вспышкой молнии. В ушах зазвенело. Норман знал это ощущение: все было слишком реально.

От двери на него внимательно взирал Тотем.

Что толку доискиваться смысла там, где его нет и быть не может?

А потому он потянул за ручку.

Ящик застрял в пазах. Норман выдернул его одним рывком.

В глубине ящика, у задней стенки, примостилась большая картонная коробка. Норман приподнял ее крышку и извлек одну из множества крохотных бутылочек со стеклянной пробкой. Это что, тоже косметика? Для пудры чересчур темная. Похоже, скопее, на геологический образец почвы. Какой-нибудь из бесчисленных кремов? Навряд ли. Может, земля из садика Тэнси?

Норман повертел бутылочку в руках. Послыпался звук, напоминавший шелест песка в песочных часах. Он заметил наклейку. На той четким почерком Тэнси было выведено: «Джулия Трок, Роузленд». Какая такая Джулия Трок? И почему слово «Роузленд» вызывает отвращение? Норман откинул крышку коробки и схватил второй флакон. Его содержимое было чуть покраснее, чем содержимое первого. Надпись гласила: «Филип Ласситер, Хилл». На третьем, чье содержимое вроде бы не отличалось по цвету от первого, было написано: «Дж. П. Торндайк, Роузленд». Далее следовали: «Эмлин Скэттердей, Роузленд», «Мортимер Поуп, Хилл», «Преп. Бафорт Эймс, Роузленд». Цвет был соответственно коричневым, красновато-бурым и снова коричневым.

Тишина в доме сделалась оглушительной, даже солнечный свет как будто потускнел. *Роузленд и Хилл, Роузленд и Хилл, мы идем на Роузленд и Хилл...* Слова эти прозвучали у него в голове, и он с трудом подавил желание разбить стеклянные флаконы,

раздавить как пауков — столь отвратительными они вдруг ему показались... *а обратно дороги нет.*

Ну конечно!

Местные кладбища.

Значит, земля с могил.

Ну да, образцы почвы. Земля с могил. Основной элемент негритянского колдовства.

Тотем вспрыгнул на столик и принял обнюхивать флаконы. Норман запустил руку в ящик, нашупал за большой коробкой маленькие — и вывалил все добро на пол. В одной коробочке лежали ржавые и гнутые железные стержни — гвозди из конских подков. В другой находились конверты для визитных карточек с прядями волос внутри. На каждом из конвертов значилось, кому эти волосы принадлежат. Норман увидел знакомые имена: Харви Соутелл, Грейсин Поллард, Хульда Ганнисон... А в конверте с надписью «Ивлин Соутелл» были обрезки покрытых красным лаком ногтей.

В третьем ящике не оказалось ничего интересного, зато в четвертом Норман обнаружил прямо-таки клад. Пакетики сухих листьев и истолченных в порошок овощей — вот, выходит, для чего нужен Тэнси ее садик? Вербена, выонок, повилика, кусочки магнитного железняка с прилипшими к ним металлическими опилками, гусиные перья, с которых, когда он их потряс, закапала ртуть, лоскутки фланели того сорта, какой используют негритянские колдуны для своих «ловушек» или «ладочек», коробка со стаинными серебряными монетами и серебряными же опилками — сильнодействующее защитное волшебство; теперь понятно, что кучка монет перед его фотографией лежит там не просто так.

Но Тэнси всегда потешалась над хиромантией, астрологией, нумерологией и прочими суевериями! Она всегда оставалась типичной рассудительной американкой! Работая вместе с ним, она столько узнала о психологических основах предрассудков и первобытного колдовства, столько, что...

Он понял вдруг, что листает замусоленный экземпляр своей статьи «Параллелизм суеверий и неврозов», тот самый, что за-пропастился куда-то лет восемь тому назад. На полях рядом с одним из заклинаний рукой Тэнси было написано: «Не срабатывает. Заменить медные опилки на латунные. Попробовать в новолуние вместо полнолуния».

— Норман...

На пороге комнаты стояла Тэнси.

ГЛАВА 2

Люди, которых мы лучше всего знаем, кажутся нам порой существами из потустороннего мира. На мгновение знакомое лицо представляется нам случайным сочетанием цветовых поверхностей, лишенным даже той мимолетной значимости, какой мы наделяем черты встреченного на улице незнакомца.

Норману Сейлору почудилось, будто он глядит не на свою жену, а на ее портрет кисти некоего новоявленного Ренуара или Тулуз-Лотрека: лицо — четкий овал розового с едва заметным оттенком зеленого; маленький, гордо выпяченный подбородок, алое пятно губ, насмешливый взгляд серовато-зеленых глаз, выщипанные низкие брови, между которыми залегла вертикальная морщинка, иссиня-черные волосы, белая кожа шеи, бордовое платье; локоть прижимал к боку коробку с очередным нарядом, руки словно застыли на полпути к шляпке, которая была того же цвета, что и платье, а световой блик на ней переливался и сверкал этаким осколком зеркала.

Норман был уверен, что, протяни он руку, этот портрет растворится в воздухе, а потому стоял не шевелясь. Он не произнес ни слова, однако у него почему-то возникло такое ощущение, что, если бы он заговорил, собственный голос показался бы ему голосом постороннего — какого-нибудь бестолкового профессора.

Изображение Тэнси, эта невесть откуда взявшаяся родственница портreta Дориана Грея, молча повернулось к Норману спиной. Коробка с нарядом упала на пол. Норман словно очнулся.

Он догнал Тэнси в гостиной. Увидев, что жена направляется прямиком к выходу, он попытался обнять ее, чтобы остановить. Она забилась в его объятиях, точно пойманное животное, избегая смотреть ему в глаза; однако руки ее безвольно, будто привязанные, висели вдоль тела.

— Не прикасайся ко мне! — прошептала она сквозь зубы.

Норман пошире расставил ноги, чтобы случайно не потерять равновесие. Было что-то ужасное в том, как Тэнси металась из стороны в сторону, норовя вырваться из плена его рук. Она вела себя как буйнопомешанная в смирительной рубашке.

— Не прикасайся ко мне! — твердила она яростно.

— Тэнси! — воскликнул Норман.

Внезапно она успокоилась. Норман отступил на шаг. Глаза Тэнси были крепко зажмурены, губы плотно сжаты. К сердцу Нормана подкатила жалость.

— Милая! — проговорил он. — Мне очень стыдно. Я виноват перед тобой. Но...

— Дело не в этом!

Норман помолчал, прежде чем продолжить:

— Выходит, ты рассердилась на меня за то, что я нашел в твоем столе?

Никакого ответа.

— Тэнси, нам нужно поговорить.

Она вновь никак не откликнулась. Норман беспомощно всплеснул руками:

— Поверь мне, все будет в полном порядке. Если ты поделишься со мной... Ну пожалуйста, Тэнси...

Губы ее слегка разошлись, и она произнесла, как выплюнула:

— Почему бы тебе не привязать меня к стулу и не загнать пару иголок мне под ногти? Или ты не знаком с техникой допроса?

— Милая, я скорее умру, чем причиню тебе боль! Но мы должны поговорить откровенно.

— Не могу. Если ты скажешь еще хоть слово, я закричу.

— Милая, мы должны, понимаешь, должны.

— Я никому ничего не должна.

— Мне! — поправил Норман, сбиваясь на крик. — Мне, твоему мужу!

На миг он испугался, что Тэнси упадет в обморок, и кинулся к ней, чтобы подхватить. Но его услуги не понадобились. Тэнси, швырнув шляпу на столик, тяжело опустилась на ближайший стул.

— Ладно, — сказала она. — Давай поговорим.

18 часов 37 минут. Заходящее солнце отражалось в стеклах книжного шкафа, в его лучах левая китайская маска жутковато оскалилась. Тэнси сидела на одном конце кушетки, Норман, опираясь коленом на подушку, расположился на другом.

Тэнси тряхнула головой, словно разгоняя словесный дым, от которого уже першило в горле:

— Ну что ж, будь по-твоему. Я всерьез занималась ведьмовством. Я забыла, что являюсь образованной женщиной. Я накладывала заклятия на людей и на вещи. Я стремилась изменить будущее. Я... в общем, все, что угодно!

Норман кивнул. Такие вот кивки он раздаривал обычно на студенческих конференциях, когда после многочасового бесплод-

ного обсуждения какой-нибудь подающий надежды юноша начи-нал наконец догадываться, о чем идет речь. Он наклонился к Тэнси:

— Но зачем?

— Чтобы уберечь тебя от неприятностей, — ответила она, глядя себе под ноги.

— Зная все то, что тебе известно о суевериях, ты решилась...

В голосе Нормана послышались прокурорские нотки. Тэнси пожала плечами:

— Так вышло. Конечно, это смешно и нелепо... Но когда ты всей душой желаешь, чтобы с тем, кого ты любишь, что-то произошло или ничего не случилось... Я делала лишь то, чем занимались и занимаются миллионы женщин. И веришь ли, Норм... мои заклинания... они вроде бы срабатывали... по крайней мере, в большинстве случаев.

— Мне кажется, — возразил он, — что успехи, которых ты добивалась, всего только нечаянные совпадения. И то, что у тебя получалось не всегда, подтверждает мою догадку.

— Может быть, может быть, — проговорила она. — Но вдруг мне кто-то противодействовал? — Она порывисто повернулась к нему. — Я не знаю, чему верить. Я творила заклинания, а сама терзаясь сомнениями, но, однажды начав, уже не смела останавливаться.

— И ты занималась этим все те годы, которые мы провели в Хемпнелле?

Тэнси кивнула:

— Да, с тех пор, как мы сюда приехали.

Норман взорвался на жену, стараясь разобраться в своих ощущениях. Ему было очень трудно свыкнуться с мыслью, что в сознании той, кого он, как ему мнилось, познал до мельчайших подробностей, обнаружился укромный закуток, о котором он и не подозревал, закуток, где потихоньку копились сведения, которые он приводил в своих статьях и книгах, закуток, принадлежащий каменному веку, погруженный во мрак, питаемый предрассудками и страхами. Он попытался вообразить себе Тэнси, которая бормочет заклинания, сшивает при свете свечи лоскутки фланели, посещает в поисках необходимых ингредиентов кладбища и прочие не менее отвратительные места. Воображение отказывало. Подумать только, и все это творилось под самым его носом!

Единственным, что в поведении Тэнси вызывало подозрение, была, насколько он мог припомнить, ее склонность к прогулкам

в одиночестве. Если он когда-либо задумывался об отношении Тэнси к суевериям, то неизменно приходил к успокоительному заключению, что уж кто-то, а его жена совершенно не испытывает тяги к иррациональному.

— О Норм, я совсем запуталась, мне так плохо, — перебила его размышления Тэнси. — Я не в силах сообразить, что мне говорить и с чего начинать.

У него имелся готовый ответ — ответ ученого:

— Расскажи мне обо всем по порядку.

19 часов 54 минуты. Они по-прежнему сидели на кушетке. В комнате царил полумрак. Бесовские маски на стене пропадали из него двумя неправильными овалами. Лицо Тэнси казалось белесым пятном. Норман не мог разглядеть его выражения, однако голос жены выдавал ее возбуждение.

— Подожди-ка, — сказал он, — не торопись. Ты говоришь, что была страшно напугана, когда мы впервые приехали в Хемпнелл, чтобы узнать насчет вакансии?

— Да, Норм, да. Хемпнелл привел меня в ужас. Все вокруг смотрели на нас с неприязнью и были такими чопорными! Мне чуть ли не в глаза заявили, что профессорская жена из меня никакая. Я не знаю, кто был хуже, — то ли Хульда Ганнисон, которая, когда черт меня дернул посоветовалась с ней, оглядела меня с головы до ног и буркнула: «По-моему, вы нам подходите», то ли старая миссис Кэрр, которая погладила меня по руке со словами: «Вы и ваш муж найдете в Хемпнелле свое счастье. Вы молоды, но в Хемпнелле любят молодежь!» Рядом с этими женщинами я чувствовала себя беззащитной, и мне почудилось, что ты тоже в опасности.

— Понятно. Значит, когда я повез тебя на юг, в этот заповедник суеверий, ты преследовала свои цели.

Тэнси невесело рассмеялась:

— Сказать по правде, да. Я схватывала все на лету. Меня не отпускала мысль, что когда-нибудь мои познания мне пригодятся. Так что, возвратившись осенью в Хемпнелл, я сумела совладать с некоторыми своими страхами.

Норман кивнул. Ну разумеется! Недаром тихий энтузиазм Тэнси, с каким она выполняла скучные секретарские обязанности, представлялся ему довольно-таки неестественным.

— Но к колдовству ты не прибегала, — с нажимом произнес он, — пока я не заболел зимой воспалением легких?

— Ты прав. До того я словно играла в игрушки — твердила, просыпаясь по ночам, обрывки заклинаний, бессознательно избегала делать то или другое, потому что это сулило беду, например не подметала крыльца в темноте и не клала крест-накрест ножи и вилки. Когда же ты заболел... Если любимый человек умирает, чтобы спасти его, годятся любые средства.

В голосе Нормана прозвучало сочувствие:

— Конечно, конечно. — Впрочем, он тут же спохватился и вновь заговорил наставительно, как учитель с учеником: — Но сдается мне, ты уверовала в то, что твое колдовство действует, лишь после моей стычки с Поллардом по поводу сексуального образования, которая обошлась для меня без последствий, и в особенности после того, как моя книга в тысяча девятьсот тридцать первом году получила хорошую прессу.

— Верно.

Норман откинулся на подушки.

— Господи, — пробормотал он.

— Что с тобой, милый? Надеюсь, ты не думаешь, что я пытаюсь отнять у тебя частичку твоей славы?

— Господи боже, нет. — Смешок Нормана больше походил на всхлип. — Но... — Он запнулся. — Ладно, раз так, начинай с тысяча девятьсот тридцатого.

20 часов 58 минут. Норман протянул руку, включил свет и сощурил глаза. Тэнси наклонила голову.

Норман встал и потер тыльную часть шеи.

— Меня беспокоит то, — сказал он, — что постепенно ты стала полагаться на колдовство во всем и не предпринимала ничего, вернее, не позволяла мне что-либо предпринимать, без подходящих к случаю защитных заклинаний. Это напоминает мне...

Он собирался сказать «разновидность шизофрении», но вовремя остановился.

— Я даже поменяла все «молнии» на крючки, — хрипло прошептала Тэнси, — ведь считается, что они ловят злых духов. А зеркальные украшения на моих шляпках, сумочках, платьях — ты догадался правильно, это тибетское средство от сглаза и порчи.

Норман подошел к жене:

— Послушай, Тэнси, но почему?

— Разве я не объяснила?

— Да нет, почему ты продолжала заниматься этим год за годом, если, как ты только что призналась, сомневалась в действенности своих усилий? Я никак не ожидал от тебя такого...

Тэнси призадумалась.

— Знаю, ты назовешь меня романтичной дурочкой, но я убеждена, что женщины первобытнее мужчин, ближе, чем они, к древним верованиям, — проговорила она. — И потом, я с детства была впечатлительной. Ведал бы ты, какие диковинные фантазии порождали во мне проповеди моего отца, истории, которые рассказывали нам старые дамы...

Вот вам и сельские священники, мысленно простонал Норман. Вот вам пуританская и рассудительная глубинка!

— В общем, много было всего. Если хочешь, я исповедуюсь перед тобой, но рассказ будет недолгим.

— Хорошо, — согласился он, — только давай попутно перекусим.

21 час 17 минут. Они сидели лицом к лицу в веселой краснобелой кухне. На столе лежали нетронутые сэндвичи, чашки остывшего черного кофе были наполовину пустыми. Супруги словно поменялись ролями. Теперь Норман отворачивался, а Тэнси пристально глядела на него.

— Так что же, Норман, — промолвила она наконец, — по-твоему, я сошла или схожу с ума?

Именно такой вопрос ему и требовался.

— Нет, — ответил он, — хотя одному лишь богу известно, что подумал бы посторонний, узнай он то, что ты выложила мне. Нет, ты не сумасшедшая, однако, как и все мы, страдаешь неврозом. И твой невроз приобрел весьма необычную форму.

Озознав вдруг, что голоден, он взял с тарелки сэндвич, с минуту обкусывал его со всех сторон, а потом решительно вгрызся в самую середину.

— Понимаешь, у всякого человека имеются собственные ритуалы и обряды, те привычные способы, какими мы едим, пьем, спим и моемся в ванной. Мы едва догадываемся о них, тогда как они, если их проанализировать, наверняка показались бы нам бессмысленными причудами. Возьми хотя бы стремление наступать или, наоборот, не наступать на трещины в асфальте тротуара. Так вот, твои ритуалы благодаря обстоятельствам, в которых

ты находишься, оказались настолько тесно переплетенными с колдовством, что даже ты сама вряд ли теперь разберешься, где что. — Он помолчал, давая Тэнси усвоить услышанное. — Важно следующее: пока об этом знаешь ты одна, твои колдовские забавы ничуть не серьезнее того пересчитывания слонов, каким убаюкивает себя при бессоннице средний человек. То есть социального конфликта не возникает.

Он вскочил и заходил по кухне, по-прежнему жуя сэндвич.

— Господи, сколько лет я посвятил изучению того, почему люди делаются суеверными и как они такими делаются! Отчего же я не заметил, что с тобой творится?! Что такое суеверие? Заплутавшая, необъективная наука! А потому удивительно ли, что в нашем загнивающем, полном ненависти и злобы, обреченному мире мужчины и женщины тянутся к суеверию? Видит бог, я бы прославлял самую черную магию, если бы она сумела покончить с атомной бомбой!

Тэнси поднялась со стула. Глаза ее ярко сверкали.

— Значит, — проговорила она с запинкой, — ты не презираешь меня и не считаешь сумасшедшей?

Он обнял ее:

— Черт побери, конечно же нет!

Она заплакала.

21 час 33 минуты. Они снова уселись на кушетку. Тэнси перестала плакать, голова ее покоилась на плече мужа.

Некоторое время они молчали. Нарушил тишину Норман. В его голосе слышались обманчиво мягкие нотки, словно он был врачом, который убеждает пациента в необходимости повторной операции.

— Разумеется, тебе придется все это прекратить.

Тэнси села прямо:

— Нет, Норм, я не могу.

— Почему? Ты только что согласилась с тем, что колдовство — сплошная чушь. Ты даже поблагодарила меня за то, что я раскрыл тебе глаза.

— Да, но все же... Пожалуйста, Норм, не заставляй меня!

— Ну будь же благоразумна, Тэнси, — уверевал он. — Ты и так столько уже натворила глупостей. Я горжусь тем, что у тебя хватило духа признать свои заблуждения. Но нельзя остановли-

ваться на полпути! Коль ты начала пользоваться логикой, изволь довести дело до конца. Ты должна избавиться от всего, что хранится в твоей комнате, от всех талисманов и тому подобного!

Она покачала головой.

— Не заставляй меня, Норм, — повторила она. — По крайней мере, не требуй, чтобы я рассталась со всем сразу, иначе я буду чувствовать себя беззащитной.

— Напротив, у тебя прибавится сил, ибо ты поймешь, что тем, чего достигала, как ты думала, с помощью колдовства, обязана лишь своим собственным непознанным возможностям.

— Нет, Норм. Неужели это так важно? Ты же сам назвал колдовство чепухой, безобидной забавой.

— Теперь, когда о нем известно мне, оно перестало быть твоим личным делом. И кстати, — добавил он почти зловеще, — на счет безобидности это еще как посмотреть.

— Но почему сразу? — продолжала недоумевать Тэнси. — Почему не постепенно? Скажем, ты позволишь мне сохранить старые амулеты, если я пообещаю не заводить новых.

Он покачал головой:

— Нет, если уж отказываешься, то как от спиртного — раз и навсегда.

Голос Тэнси едва не сорвался на крик:

— Норм, я не могу, понимаешь, я просто не могу!

Внезапно она показалась ему большим ребенком.

— Тэнси, ты должна.

— Но в моем колдовстве не было ничего плохого! — Подмененная Норманом детскость становилась прямо-таки пугающей. — Я пользовалась им не для того, чтобы причинить кому-то зло, я не желала невыполнимого, не просила, чтобы тебя сделали президентом Хемпнелла! Я всего лишь хотела защитить тебя!

— Тэнси, успокойся. С какой стати тебе взбрело в голову защищать меня таким способом?

— А, так ты думаешь, что добился всего в жизни благодаря исключительно своим собственным непознанным возможностям? Тебя не настораживают твои успехи?

Вспомнив, что совсем недавно размышлял о том же самом, Норман рассвирепел:

— Хватит, Тэнси!..

— Ты думаешь, что все тебя любят, что у тебя нет ни завистников, ни недоброжелателей? По-твоему, здешняя публика —

компания домашних кошечек с подстриженными коготками? Ты не замечаешь их злобы и ненависти! Так знай же...

— Тэнси, прекрати немедленно!

— ...что в Хемпнелле много таких, кто спит и видит тебя в гробу! И ты бы давно очутился там, куда тебя столь усердно спровоживают, если бы им не мешали!

— Тэнси!

— Ты считаешь, Ивлин Соутелл поднесет тебе в подарок один из своих вишневых тортиков с шоколадом за то, что ты обошел ее тупоумного муженька в споре за кафедру социологии? Ты считаешь, Хульда Ганнисон в восторге от того, какое влияние ты приобрел на ее супруга? Ведь это в основном из-за тебя она отныне не заправляет безраздельно мужским отделением! А что до похотливой старой стервы миссис Кэрр, ты полагаешь, ей нравится твоя манера обращения со студентами? Ты говоришь им о свободе и честности, а она вещает о святости иуважении к мнению старших. И эта ее присказка: «Секс — отвратительное словечко, и только!» Ответь мне, чем все они помогают своим мужьям?

— Господи, Тэнси, ну зачем приплетать сюда все эти преподавательские дрязги?

— Ты думаешь, они довольствуются одной защитой? Ты полагаешь, женщины вроде них будут делать различие между белой и черной магией?

— Тэнси! Ты соображаешь, что говоришь? Если ты имеешь в виду... Тэнси, рассуждая подобным образом, ты кажешься мне настоящей ведьмой.

— О, правда? — Кожа на ее лице натянулась так, что на какое-то мгновение словно оголился череп. — Может быть, ты и прав. Может быть, тебе повезло, что я у тебя такая.

Он схватил ее за руку:

— Послушай меня! Я терпел достаточно долго, но сейчас тебе лучше выказать хоть чуточку здравого смысла.

Ее губы искривились в усмешке.

— Понятно-понятно. На смену бархатной перчатке грядет железная рука. Если я не подчинюсь тебе, то могу собирать вещи и готовиться к поездке в сумасшедший дом. Правильно?

— Разумеется, нет! Но будь же ты благоразумна!

— Зачем?

— Тэнси!

22 часа 13 минут. Тэнси упала на кровать. Лицо ее покраснело от слез.

— Хорошо, — сказала она глухо. — Я поступлю так, как ты хочешь. Я сожгу все свои... приспособления.

Норман ощутил несказанное облегчение. «Подумать только, — мелькнула у него мысль, — я справился там, где сплоховал бы иной психиатр!»

— Бывали времена, когда мне хотелось все бросить, — прибавила Тэнси. — А порой меня брала досада на то, что я родилась женщиной.

Последующие события слились для Нормана в бесконечную вереницу поисков. Сперва они обшарили комнату Тэнси, выискивая различные амулеты и колдовские принадлежности. Норману невольно вспомнились старинные комедии, в которых из крошечного такси высыпалась целая куча народу, — казалось невозможным, чтобы в нескольких неглубоких ящиках стола и коробках из-под обуви могло поместиться столько всякой всячины. Норман швырнул в мусорное ведро потрепанный экземпляр своей статьи о параллелизме, подобрал переплетенный в кожу дневник жены. Тэнси покачала головой. После секундного колебания Норман положил дневник обратно.

Затем они перевернули весь дом. Тэнси двигалась быстрее и быстрее, перебегала из комнаты в комнату, извлекала завернутые во фланель «ладошки» из самых невероятных мест. Норман снова и снова задавался вопросом, как он за десять лет жизни в доме умудрился не заметить ни единого талисмана.

— Похоже на поиски клада, верно? — спросила у него Тэнси, печально улыбаясь.

Потом они вышли на улицу. Амулеты нашлись под парадной и черной дверями, в гараже, в автомобиле, который там стоял. Чем сильнее разгорался огонь в камине, тем легче становилось у Нормана на душе. Наконец Тэнси распорола подушки на постели и осторожно вынула оттуда две фигурки из перьев, перевязанные шелковой ниткой.

— Видишь, одна изображает сердце, а другая — якорь. Они охраняли тебя, — сказала Тэнси. — Это перьевая магия Нового Орлеана. За последние годы ты и шага не сделал без того, чтобы тебя не сопровождали мои обереги.

Фигурки полетели в пламя.

— Ну, — спросила Тэнси, — чувствуешь?

— Нет, — ответил он. — А что я должен чувствовать?

Она покачала головой:

— Да ничего особенного, просто больше талисманов не осталось. И если они все-таки удерживали на расстоянии враждебные силы, то теперь...

Норман коротко рассмеялся:

— Ты уверена, что мы сожгли все? Тэнси, подумай хорошенько, может, ты что-нибудь позабыла?

— Нет. Ни в доме, ни поблизости от него. А в городе я оберегов не раскладывала из опасения... вмешательства. Я многажды пересчитывала их в уме. Все они, — Тэнси взглянула на огонь, — сгорели дотла. Я устала, Норм, я очень устала. Пойду спать. — Внезапно она расхохоталась. — Однако сначала мне придется зашить подушки, иначе все вокруг будет в перьях!

Он обнял ее:

— Ты в порядке?

— Да, милый. Я хочу попросить тебя только об одном: пожалуйста, не заговаривай со мной об этом в ближайшие дни. Постарайся даже не упоминать. Я не знаю, смогу ли... Обещай мне, Норм.

Он прижал ее к себе:

— Конечно, милая, конечно.

ГЛАВА 3

Сидя на краешке старинного стула с кожаной обивкой, Норман воронил медленно угасающий огонь. Над тлеющими угольками плясали едва различимые язычки голубого пламени.

От двери, положив голову на вытянутые лапы, наблюдал за огнем Тотем.

Суета прошедшего дня утомила Нормана. Он с радостью последовал бы примеру Тэнси и лег спать, но его удерживала на ногах необходимость разобраться в собственных мыслях. Он привык оценивать в уме любую ситуацию в мельчайших ее подробностях, поворачивать их то так, то этак, пока они не займут отведенные им места в его сознании. Счастливица Тэнси! Выключила рассудок, точно свет, и спокойненько заснула. Как это на нее похоже! Впрочем, тут дело, скорее всего, в женской психологии, в повышенной приспособляемости к обстоятельствам.

Во всяком случае, она поступила разумно. И это тоже вполне в духе Тэнси. Всегда откровенная, всегда готовая по большому счету мыслить здраво. А если бы вместо нее ему надо было бы убеждать другую женщину? Бrr!.. Всегда — какая еще? — рассудительная, вот только порой на нее находит.

Тут несомненная вина окружающей обстановки. В Хемпнелле трудно не заработать себе невроз, а будучи в положении профессорской жены — и подавно. Ему давно уже следовало осознать, какую тяжесть она на себя взвалила, и помочь ей, но она так ловко дурачила его! И потом, он вечно забывал, как глубоко задевают женщин неизбежные сплетни и интриги. В отличие от своих мужей они не могут укрыться в тихих, уютных мирках математики, микробиологии и тому подобного.

Норман улыбнулся. В конце разговора Тэнси обронила странную фразу. По ее словам, Ивлин Соутелл, жена Гарольда Ганнисона и старая миссис Кэрр тоже ведьмы, причем из разряда тех, что занимаются зловещей черной магией. По правде говоря, тому, кто достаточно близко знаком с ними, поверить в это проще простого. Кстати, вот идея, достойная пера умного писателя-сатирика! Нужно лишь немного развить ее, представить большинство женщин как сведущих во всех тонкостях колдовского ремесла ведьм, которые ведут между собой непрерывную войну, творя заклинания и расстраивая чары противника, а их ослепленные реальностью мужья тем временем вершат свои никчемные деяния. Так, Барри написал «Что должна знать всякая женщина», чтобы показать, что мужчины никогда не догадываются, кем бы они были без поддержки женщин. При такой-то слепоте где мужчинам сообразить, что их благоверные сознательно прибегают к колдовству!

Улыбка Нормана сама собой перешла в кислую гримасу. Он словно лишь сейчас понял, что Тэнси на деле верила, по меньшей мере наполовину, во все эти бредни. Он облизал губы. Без сомнения, ему предстоит пережить множество неприятных моментов, когда его будут одолевать непрошеные воспоминания. После сегодняшних событий сие неизбежно.

Но все равно — худшее уже позади.

Он погладил Тотема, который не сводил зачарованного взгляда с огня.

— Пошли спать, старина. Время, должно быть, около двенадцати. Нет, четверть первого.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ведьма. Роман. Перевод К. Королева</i>	5
<i>Автоматический пистолет. Рассказ. Перевод А. Лисочкина</i>	165
<i>Дух копоти. Рассказ. Перевод А. Лисочкина</i>	183
<i>Власть кукол. Рассказ. Перевод А. Шейкиной</i>	201
<i>Пес. Рассказ. Перевод А. Лисочкина</i>	222
<i>Наследство. Рассказ. Перевод А. Лисочкина</i>	239
<i>Гора и яма. Рассказ. Перевод А. Лисочкина</i>	256
<i>Алиса и аллергия. Рассказ. Перевод К. Королева</i>	270
<i>Девчонка с голодными глазами. Рассказ. Перевод А. Лисочкина</i>	279
<i>В рентгеновских лучах. Рассказ. Перевод Е. Кисленковой</i>	296
<i>Мертвец. Рассказ. Перевод Ю. Павлова</i>	310
<i>Черная овца. Рассказ. Перевод Е. Клиповой</i>	335
<i>Я ишу Джеффа. Рассказ. Перевод Э. Несимовой</i>	351
<i>Рукопись, найденная в Мальстрёме. Рассказ Перевод Э. Несимовой</i>	365
<i>Шизик Джимми. Рассказ. Перевод Ю. Павлова</i>	374
<i>Черный катафалк. Рассказ. Перевод Э. Несимовой</i>	383
<i>Человек, который дружил с электричеством. Рассказ Перевод М. Загота</i>	392
<i>Крупинка Темного Царства. Повесть. Перевод А. Лисочкина</i>	401
<i>Демон из ларца. Рассказ. Перевод Ю. Павлова</i>	442
<i>Паук. Рассказ. Перевод А. Погошака</i>	453
<i>Черный гондольер. Рассказ. Перевод Ю. Павлова</i>	466
<i>Четыре Призрака из «Гамлета». Повесть. Перевод А. Килашовой</i>	492
<i>Вы знаете Дейва Вензела? Рассказ. Перевод Э. Несимовой</i>	526
<i>Полночь по часам Морфи. Рассказ. Перевод К. Королева</i>	544
<i>Бельзенский экспресс. Рассказ. Перевод К. Королева</i>	565
<i>Перчатка. Рассказ. Перевод К. Королева</i>	578
<i>Глубинный ужас. Рассказ. Перевод С. Лихачевой</i>	592
<i>Призрачный светильник. Повесть. Перевод К. Королева</i>	597

Лейбер Ф.

- Л 42 Черный гондольер : роман, повести, рассказы / Фриц Лейбер ; пер. с англ. М. Загота, А. Килановой, Е. Кисленковой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-18580-7

Фриц Ройтер Лейбер-младший, родившийся в семье актеров — эмигрантов из Германии, стал одной из самых ярких звезд «Золотого века» фантастики. Литературное наследие Лейбера удостоено шести премий «Небьюла», четырех «Хьюго», трех «Всемирных премий фэнтези» и многих других почетных наград. По итогам своего творчества он получил звание «Грандмастер фантастики».

Но велик и вклад Лейбера в мистическую литературу, недаром он считается одним из создателей современной формы этого жанра. Огромное влияние на него оказали произведения Говарда Лавкрафта, у которого он увлеченно учился и чье творчество самым деятельным образом популяризовал.

В этой книге собраны его лучшие сверхъестественные истории, в том числе и написанные в стиле Лавкрафта. Роман «Ведьма», удостоенный премии «Хьюго» и считающийся классикой мистики, был экранизирован несколько раз.

Большинство произведений, вошедших в сборник, публикуется на русском впервые.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ФРИЦ ЛЕЙБЕР
ЧЕРНЫЙ ГОНДОЛЬЕР

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Художественный редактор Татьяна Павлова

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Людмила Дубовая, Антон Залозный,

Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.01.2022. Формат издания 60 × 90 $\frac{1}{16}$.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MFF-27202-01-R